

Пролог

Подземные паркинги, что трудолюбиво выкапывают строители под большими офисными центрами, никогда не наполняются настоящей жизнью, лишь суррогатом ее, и тем отчаянно похожи на некрополи. На гробницы современного стиля, в которых властвуют бетон и мертвый свет. Мы вынуждены их посещать, но неспособны привыкнуть к холодной мрачности подземелья. Давящие потолки, серые стены, затхлый воздух... паркинг — склеп. Не для вечного упокоения, правда, а в аренду, но все равно для мертвечины, для железа, которое никогда не было живым.

И каждый будний день в некрополи большого города направляются тысячи паломников.

Пик приходится на утро, когда очнувшиеся от спячки офисы начинают жужжать системными блоками, а обладатели парковочных мест загоняют своих круглолапых скакунов в нарисованные на асфальте стойла. Некрополи наполняются шумом двигателей, смрадом выхлопных газов и редкими сигналами клаксонов — все вместе создает впечатление бьющей ключом жизни, но это ложь. Обман. Машины мертвы, они легко переносят посещение сумрачных гробниц, а вот люди здесь не задерживаются, и большинство покидает паркинги быстрым шагом, торопясь поскорее вырваться на волю.

Людям здесь плохо.

Наполняются некрополи торопливо, впитывают в себя утреннюю волну паломников с жадностью изголо-

давшихся вампиров, а вот расстаются с добычей медленно, постепенно, неохотно отпуская заполученные автомобили: по одному, по два, но не все сразу, не такой волной, что захлестывает подземелье утром. А люди подыгрывают: кто-то уезжает еще днем и не возвращается с деловой встречи, кто-то отпрашивается или просто сбегает, желая проскочить самые глухие пробки, кто-то отправляется ужинать в ближайший ресторан. А кто-то допоздна сидит над бумагами и спускается в подземелье ближе к полуночи, когда пустеют обширные уровни, лампы горят через одну и паркинги окончательно превращаются в угрюмые шлюзы, за которыми явственно просматривается вход на Ту Столону.

Именно в такой час, мрачный и таинственный, ступил на первый уровень парковки высокий рыжеволосый мужчина в деловом костюме. Не возник из ничего, волшебным образом материализовавшись посреди подземелья, не прилетел на колдовских крыльях и не вышел из стены — просто ступил, сделав шаг из лифта, и неспешно направился к бордовому «Ягуару», на ходу разговаривая по телефону:

— Так и знал, что ты не спишь... Детей уложила? Да, я помню, что обещал сегодня фехтовать с Карлом, но не получилось... Пусть не обижается...

Казалось бы — ничего странного. Обычный разговор с женой, недовольной поздним возвращением супруга. Обычная усталость в голосе, легкая, но заметная. Обычная для менеджера высшего звена экипировка: пошитый на заказ костюм, идеально белая сорочка, модный галстук, модные туфли и швейцарские часы, не выпендренные, наглые, нахраписто выставяющие на показ запредельную свою цену, а спокойные, неброские, мягко уточняющие, что их обладатель богат, но не хвастун.

Тем не менее стандартное облачение и стандартное поведение мужчины казались неуместными, чуждыми

для рыжеволосого, и виной тому была его незаурядная внешность.

Герой — вот что приходило в голову при первом же взгляде на этого человека. Герой без скидок.

Короткие волосы, щеточка усов, большие карие глаза, упрямый подбородок с ямочкой — хоть сейчас на рекламный плакат: «Ты готов к приключениям?» А ладная фигура рыжеволосого дышала такой силой, что даже неискусшенному наблюдателю было ясно: мощь мужчины не искусственная, набранная в каком-нибудь фитнес-центре, а самая что ни на есть натуральная, дарованная природой. Потому и возникало ощущение неправильности: люди с такой внешностью не должны проводить жизнь в офисе, пусть даже и на высокой должности. Не должны ходить на службу с девяти до шести и тратить силу и время на протирание кожаных кресел. Нет. Не по комнате для переговоров должен бродить рыжеволосый, покусывая карандаш, а по жаркой саванне, с африканским штуцером в руках выслеживать носорога. Или сидеть на танковой броне. Или стоять над покоренным полюсом...

Другими словами, рыжеволосый смотрелся настоящим героем, не то что сутулый уборщик в серой униформе, возившийся у мусорного бачка. Собственно процедура, которую проделывал уборщик, особой сложностью не отличалась: достать наполненный мешок из металлической урны, переложить в пластиковый контейнер на колесиках, снарядить урну неизгаженным мешком, и все. Операция должна была занять несколько секунд, но сутулый проводил ее с такой тщательностью, словно нехитрая работенка несла в себе сакральный смысл всего на свете. Шевелился уборщик не только медленно, но и тихо, словно опасаясь растревожить покой некрополя, и потому остался незамеченным. Ну... может, и не в буквальном смысле, но если рыжеволосый герой и заметил сутулого, то уж точно не обратил на него никакого внимания.

— Да, дорогая, сразу же домой... Согласен, мне и самому надоело каждый день задерживаться, но что делать: такая уж выдалась неделька... Обещаю, что следующий аврал случится не раньше, чем через год... Ты ведь меня знаешь: если я пообещал, так и будет... Целую.

Рыжеволосый убрал телефон в тот самый момент, как поравнялся с уборщиком. Или же уборщик, отлипший, наконец, от столь понравившейся ему урны, поравнялся с рыжеволосым. Как бы там ни было, они оказались в шаге друг от друга, и тогда уборщик резко сцепил перед собой руки и с силой разорвал их, словно сбрасывая невидимые путы.

Странный и нелепый жест.

Смертоносный.

Все произошло настолько быстро, что у рыжеволосого не осталось и секунды на реакцию, на ответный шаг, на попытку спасти свою жизнь. На благородном лице героя еще только зарождалось недоуменное выражение, а огненная стрела уже прочертила путь, преодолела шаг, разделявший убийцу с жертвой, на мгновение осветила сумрачный паркинг зеленоватой вспышкой, пронзила грудь рыжеволосого и сверкнула за его спиной, оставив черный рубец на бетонной колонне.

— Вы будете молить о пощаде, но я останусь глух, — высокопарно произнес сутулый. — Ибо нет в моем сердце жалости и сострадания, как нет его в ваших сердцах. Ибо меч несу я вам...

Сочавшийся пафос не оставлял сомнений в том, что речь была заготовлена долгая, однако слушатель подкачал: уже на втором предложении рыжеволосый рухнул на колени, таращась перед собой остекленевшими глазами, а затем упал на грязный пол, заливая бетон кровью. А на его широкой груди, в том самом месте, где должно было биться сердце, красовалась дыра с обугленными краями.

Может, подземный паркинг только напоминал некрополь, однако сегодня он стал площадкой, с которой рыжеволосый стартовал на Ту Сторону.

— В общем, будь ты проклят, собака, — хрипло закончил уборщик.

После чего выругался, повернулся и медленно направился к осиротевшему «Ягуару».

Глава 1

— Далеко еще? — негромко спросил Малькольм де Уск. — Ты говорил — не более лиги.

— Вы ведь понимаете, что князь и королева не могли не предпринять соответствующих мер безопасности, — так же тихо отозвался шас.

— Соответствующих чему?

— Статусу встречи.

— Или же нас ждет засада, — холодно произнесла Анжелика.

— Или так. — Проводник с улыбкой посмотрел на супругу великого магистра.

— Тебя развеселила моя догадка?

— Меня развеселил ваш вопрос, госпожа. — И шас неожиданно серьезно закончил: — Князь дал слово. Этого достаточно, чтобы вы чувствовали себя спокойно.

Анжелика собралась достойно ответить на дерзость, но Малькольм взял жену за руку и едва слышно прошептал:

— Не сейчас.

Шас, конечно, наглец, но он служил могущественным магам, и от встречи с его хозяевами зависела судьба Чуди. Без преувеличения — судьба всей Чуди.

Неделю колонна беженцев — все, что осталось от могущественного Ордена, — путала следы, в надежде оторваться от преследователей. Сначала большой портал — с его помощью чуды покинули тонущий в огне Канагар-Дабар. Потом двухдневный переход по пустыне, потом еще один портал, сутки на отдых и следующий прыжок,

приведший их в эти густые леса. Маги гарантировали, что надежно замаскировали и переходы, и колонну, что их следы не обнаружат ни атланты, ни гиперборейцы, но великий магистр заявил, что принятых мер недостаточно и нужно двигаться дальше. Великий магистр напомнил измотанным чудам, что враг хитер, силен и безжалостен, напомнил о сожженных дотла городах, о том, что чела́м не нужны побежденные чуды — только мертвые, и убедил не останавливаться. Рыцари поверили, пошли, но в действительности де Уск попросту не знал, что делать дальше, понятия не имел, куда ведет свой народ, и неожиданная встреча с навом подарила ему робкую надежду на благополучный исход бегства.

— Я опасаясь за твою жизнь, Малькольм, — прошептала Анжелика, воспользовавшись тем, что проводник отдалился на двадцать с лишним шагов.

— Князь дал слово.

— Через посланника.

— Если все, что рассказывают о навах — правда, этого достаточно.

Анжелика с сомнением покачала головой.

Одиноким и безоружным гарка вышел навстречу колонне вчера утром. Позволил себя обыскать и даже связать, после чего сухо попросил о встрече с великим магистром. Ошарашенные рыцари — Навь давным-давно считалась вымершей, — просьбу исполнили, предприняв, разумеется, все возможные меры предосторожности, и не менее изумленный Малькольм услышал невероятное: «Вы находитесь в области Тайного Города. Власть на этой территории принадлежит Темному Двору и Зеленому Дому. Повелители Великих Домов понимают, что больше вам некуда податься, и предлагают переговоры: завтра утром князь и королева будут ждать великого магистра. Если вы согласны на встречу — я должен уехать и сообщить о согласии. В этом случае утром в ваш лагерь придет проводник».

«А если мы тебя убьем?»

Нав безразлично пожал плечами:

«В этом случае к вам придут уже этой ночью. — Помолчал и уточнил: — Не проводники».

Предложение вызвало жаркие споры: Леннарт фон Гразе, магистр ложи Драконов, предлагал отпустить нава, но немедленно покинуть опасное место, оставив лишь парламентаров. Горячий Стен, магистр Мечей, призывал принять последнюю битву и с честью уйти за павшими друзьями. Петер Кавальери, мастер войны, рекомендовал выслать разъезды и выяснить расположение крепостей противника. Чуды возбудились, а вот Малькольм почувствовал облегчение: бессмысленное путешествие наконец-то завершилось, и больше не требовалось прикидываться, будто он знает, что делает. Де Уск без колебаний принял предложение и распорядился освободить гарку.

— Ты слишком доверился им.

— У нас нет другого выхода.

— Насчет темных не скажу, а вот зеленые не испытывают к Ордену теплых чувств, — продолжила Анжелика. — Наши предки лишили их власти над Землей.

— Война закончилась много столетий назад.

— То есть, рано или поздно ты сможешь без ненависти смотреть на чело^века?

Острый вопрос заставил де Уска задуматься.

— Я — нет, — проворчал он после паузы. — Но наши потомки — наверняка.

— Ты слишком великодушен, — улыбнулась Анжелика. — Наверное, за это я тебя и люблю.

— Только за это?

— Тем не менее, — продолжила женщина, оставив без внимания замечание мужа. — Мы сделали с зелеными то же, что челы сделали с нами...

— Я знаю историю.

— А зеленые...

— И еще я знаю, что тысячи лет назад зеленые вышли с трона темных. Но сейчас они вместе, а поскольку навы никогда не считались великодушными, этот факт говорит о многом.

Поняв, что великого магистра не переубедить, Петер Кавальери вызвался сопровождать его на опасную встречу, но получил отказ. «Мы не имеем права рисковать вместе, — твердо ответил Малькольм. — Если я погибну, ты возглавишь Орден». — «А как же выборы?» — «В данных обстоятельствах, именно мастер войны должен стать великим магистром». — «Тогда на встречу отправлюсь я». — «Нет». — «Почему?» — «Потому что... — Де Уск помолчал. — Потому что я должен был остаться в Канагар-Дабаре. Я, а не Фердинанд фон Клют, твой предшественник. Я был обязан прикрывать отход... Бегство... Мне с ледовало умереть». — «У Ордена должен быть великий магистр». — «Я проиграл войну...»

— Он остановился.

Шепот Анжелики вывел Малькольма из задумчивости. Выезжая из лагеря, великий магистр был возбужден, нервничал в ожидании непростого разговора, но монотонная дорога через густой лес расслабила Малькольма настолько, что он едва не задремал в седле.

— И, кажется, с кем-то разговаривает, — продолжила Анжелика.

— Значит, встреча пройдет на этой поляне, — пробормотал де Уск.

Решение Анжелики составить ему компанию не показалось Малькольму странным: они с женой всегда были близки, и даже ее неспособность иметь детей не заставила великого магистра оставить любимую. Де Уск делился с Анжеликой самыми сокровенными мыслями и всегда прислушивался к ее советам. Он все равно попросил жену не рисковать, но услышал ожидаемое: «Я была рядом во время триумфа и не оставлю тебя в минуту опасности». Анжелика поехала на встречу, но это обстоятельство не понравилось некоторым ее участникам.

— Ты должен был прийти один, — холодно произнесла королева Зеленого Дома.

— В приглашении ничего не говорилось о количестве гостей.

— Пусть твоя женщина подождет на опушке.

— Мы вместе, — отрезал Малькольм. — И Анжелика останется рядом со мной.

— Пусть так, — неожиданно проклокотал князь. — Если мы их разлучим, он будет нервничать.

Королева усмехнулась, великий магистр слегка покраснел, Анжелика сумела сохранить бесстрастный вид.

Лидеры древних Великих Домов явились на поляну ожидаемым способом — через портал. И выглядели они так, словно магический переход доставил их не из тайных укрытий, а напрямую из легенд. Черный плащ до пят, капюшон, надвинутый настолько низко, что полностью скрывает лицо — князь Темного Двора. Зеленое платье с большим вырезом, легкая накидка и драгоценности — королева Василиса. Как выглядел повелитель Нави, великий магистр так и не узнал, а вот владычица Зеленого Дома оказалась ослепительной красавицей: идеальная фигура, пышные светлые волосы, огромные глаза... Василиса производила потрясающее впечатление, но держалась предельно холодно.

— Странно, что мы встретились, — протянул Малькольм. — Земля велика, и вероятность...

— Ничего удивительного, магистр, — перебил чуда нав. — Вы шли сюда, в Тайный Город.

— Великий магистр, — поправил темного Малькольм.

— Оставим титулы для официальных встреч.

— То есть, я могу называть вас просто князем?

— Можете — просто навом, я горжусь своим происхождением.

Де Уск на мгновение сбился, но только на мгновение. Спор на отвлеченную тему в планы великого магистра не входил, гораздо больше его заинтересовала другая оговорка князя:

— Вы сказали, что я шел сюда.

— Так было, — подтвердил темный.

— Но я не шел, — честно признался Малькольм. — Я бежал. Я не знал, куда веду свой народ.

— Но шел ты в правильном направлении, — вставила

свое слово Василиса. — Интуиция вела тебя в Тайный Город.

— Город? — Де Уск окинул взглядом окружающий поляну лес. — Вы не ошибаетесь?

— Не ошибаемся, — отрезала королева. — Пройдут века, и здесь возникнет большой человеческий город. Так будет.

— Так будет, — kloкочущим эхом подтвердил князь.

— Было предсказание?

— Здесь есть оракул.

— Ему можно верить?

— Ты привел колонну всего на неделю позже, чем он указал.

— Впечатляет.

— Его предсказания точны, но делает он их нечасто.

— Он сказал что-нибудь еще? — осведомилась Анжелика. И уточнила: — О нас?

— Только то, что Чудь окажется в Тайном Городе, — ответил князь. И тоже уточнил: — Как все мы.

— Вы жили здесь все это время?

— Каждый из прошедших дней.

— Я читал хроники... — Малькольм помолчал. — Установив власть Ордена, Цун ле Го тщательно исследовал Землю, но нигде не нашел следы людоедов. Считалось, что вы погибли.

— Атланты и гиперборейцы пойдут по стопам твоего предка, магистр, — холодно ответила королева. — И не найдут выживших чудов.

— Почему?

— Потому что здесь — Тайный Город.

— Это не объяснение.

— Другого у нас нет, — вернул себе слово князь. — Мы потратили много времени и сил, чтобы отыскать выживших в Первой войне асуров. Мы были предельно внимательны, мы побывали в самых потаенных уголках Земли... и были изумлены, обнаружив здесь их поселение.

— Только его?

— Да, — помолчав, ответил нав. — Только здания и

сооружения. Они стояли здесь все время, пока Темный Двор владел Землей, а мы его не видели.

— Как же вы это объясняете?

— Мы уже ответили, — усмехнулась Василиса, пристально, с необъяснимой в данной ситуации ревностью разглядывая Анжелику.

— По неизвестным нам причинам, здесь образовалось «слепое пятно», которое закрывает территорию от любого вида магического поиска. — Князь помолчал. — Такое впечатление, что Спящий позаботился о проигравших.

— Чем же вы здесь занимаетесь? — с едва различимым презрением осведомилась Анжелика.

— Живем, — коротко ответил князь.

— В забвении? — поддержал жену Малькольм. — Как крысы?

— Но ведь ты не остался в Канагар-Дабаре, магистр, ты бросился на поиски укромного уголка.

— Как крыса, — жестко усмехнулась Василиса.

Чуды покраснели.

— Я должен был спасти народ, — протянул великий магистр.

— Ты только что ответил, почему мы живем здесь, — королева выдержала многозначительную паузу. — В забвении.

— Вы пустите нас к себе? — неожиданно робко спросила Анжелика. — У нас много раненых, много женщин и детей. Они перенесли страшные испытания, вымотаны до предела и едва способны идти. Нам нужен отдых.

— Территория Тайного Города достаточно велика, — негромко ответил князь. — До сих пор мы делили ее пополам, но готовы потесниться.

— А что взамен? — поинтересовался де Уск.

— Ничего.

— Ничего?

— Мы не продаем то, что нам не принадлежит, — твердо произнес нав. — В Тайном Городе ищут спасения, так что — добро пожаловать.

— Мы должны их уничтожить! — воскликнула Анжелика.

— Не слишком ли смело? — поинтересовался Кавальери, с улыбкой глядя на нее. — Вероятность успеха высока, но ведь можно и проиграть.

— Весьма решительно, — проворчал магистр Мечей. — Но Анжелика права — зеленые мешают.

— Глупо, — бросил магистр Драконов и удостоился от супруги великого магистра гневного взгляда. Но не отступил и повторил, продолжая смотреть прямо на Анжелику: — Глупо.

— Не забывайся!

— Я — магистр ложи Драконов, я имею право говорить на этом совещании, — резанул Леннарт. — А ты всего лишь...

— Мы должны быть едины в этот тяжелый для Чуди час, — громко произнес Малькольм. — Мы услышали смелое предложение и должны его обсудить.

Ни слова о том, что на совете могли присутствовать лишь высшие иерархи Ордена. Ни слова о том, что его жена грубо нарушает древние законы.

— Почему бы нам просто не принять предложение других неудачников? — осведомился Леннарт, подчеркнуто обращаясь исключительно к великому магистру.

— Потому что они — враги, — убежденно ответил Малькольм. — Потому что зеленые не забыли о нашей победе и постараются отомстить.

— Почему же темные не отомстили зеленым?

— Спроси у темных.

— Бессмыслица! — Дракон развел руками и удивленно оглядел собравшихся. — Мы только что вышли из боя. Мы бежим. Армии у нас нет, лишь остатки, рыцари измотаны...

— Именно поэтому предложение Анжелики гениально! — воскликнул Кавальери. — Темные и зеленые не ждут атаки. Они прекрасно знают все, что ты сейчас перечислил, и не считают нас противниками.

— *Наша атака станет для них сюрпризом!* — рассмеялся магистр Мечей.

— *Великолепный замысел!* — поддержал коллег магистр Саламандр.

— *Нужно определить местонахождение вражеских крепостей,* — деловито произнес магистр Горностаев, разглядывая переданную великому магистру карту. — *Территория Тайного Города напоминает большой овал. Нам они отдали юг и юго-запад, значит, их зоны должны располагаться приблизительно...*

— *А если карта неверна?*

— *Проведем разведку.*

— *Да что происходит?* — Леннарт изумленно оглядел рыцарей. Он редко бывал в столице, войну провел вдали от ставки великого магистра и даже не представлял, насколько сильное влияние имеет на высших иерархов Ордена супруга великого магистра. — *Вы понимаете о чем говорите? У темных и зеленых есть Источники, и если случится невероятное, если мы сумеем их прижать, маги шарахнут в полную силу...*

— *А я думаю, что Источник есть только у нас,* — заявила женщина.

— *Как это?*

— *Анжелика?!*

— *Князь и королева не смогли или не захотели объяснить, что именно защищает обитателей Тайного Города от поиска. Я же думаю, что они солгали, и именно на маскировку уходит большая часть энергии их Источников.*

— *Но почему они не рассказали об этом?*

— *Признаться в уязвимости? Поведать нам о своей слабости?*

— *Они хотели обмануть нас!*

— *Но у них ничего не вышло.*

— *Вы забываете о том, в каком мы состоянии!* — не отступал фон Гразе. — *Сколько у нас рыцарей? Меньше десяти тысяч, и многие ранены! О какой войне вы говорите? О какой атаке?!*

— *О победной!*

— *О последней войне Ордена!*

— *Мы говорим о битве, которая возродит Орден! А для этого нам нужно уничтожить древних врагов! — Анжелика помолчала и с жаром продолжила: — Здесь жили асуры, а значит, здесь наверняка есть их артефакты, на которые наложили лапу темные. Мы разобьем навов и заберем древнее оружие! Мы станем сильнее и разнесем челов! Мы вернем Чуди власть!*

— *Да!*

— *Во славу Ордена!*

— *Да!*

— *И наш повелитель вновь будет править миром!*

— *За Малькольма!*

— *За Малькольма и Анжелику!*

— *Мы победим!*

* * *

Башня «Мамонтов».

Москва-Сити, 7 июня, вторник, 06:39

— Что значит, перекрыт? — недовольно переспросил Хвостов. Он только что примчался на работу и еще не вошел в курс дела. — Весь паркинг?

— Так точно, — подтвердил Семенов, начальник охраны здания, и тут же уточнил: — Первый уровень.

— В честь чего?

— Как это в честь чего? — слегка растерялся Семенов. — Я ведь говорил: там...

— Твои ребята нашли мертвое тело, я помню, — отмахнулся Хвостов. — Но почему полицейские не отгородили себе маленький участок для расследования? Какого черта они перекрыли весь уровень?

Хвостов занимал должность главного управляющего и прекрасно понимал, кому направят претензии недовольные арендаторы. А то, что претензии будут — к гадалке не ходи. Через час-полтора центр захлестнет

утренняя волна служащих, а поскольку места в паркинге распределены четко, каждый едет к себе, на въезде обязательно возникнет пробка...

— Нам работать надо!

— Я понимаю, — уныло согласился Семенов.

— И что?

— Меня они не слушают.

— Ладно, попробую сам, — вздохнул Хвостов.

— И еще я забыл сказать: это уже не полицейские. — Семенов поморщился.

— Как это не полицейские?

— Они их выгнали, — объяснил начальник охраны. — Приехали пару часов назад и такие бумаги выкатали, что полицейских отсюда ветром сдуло.

— Госбезопасность? — догадался управляющий.

— Точно.

Час от часу не легче. Хвостов тихонько выругался, почесал затылок и поинтересовался:

— Какое отношение к госбезопасности имеет директор консалтинговой фирмы?

— Откуда мне знать?

Логично. Семенову-то откуда?

Управляющий тяжело вздохнул и, предчувствуя, что дело принимает дурной оборот, снова выругался.

Свистопляска началась в половине второго ночи — на круглосуточный пост охраны позвонила встревоженная супруга Александра Декантрова, владельца и генерального директора консалтинговой фирмы «АДиК», и сообщила, что ее муж до сих пор не вернулся с работы. Ребята Семенова женщину выслушали, пообещали разобраться, перебросились меж собой парой шуток: мол, надо мужику осторожнее быть, не забывать предупреждать благоверную, что дома ночевать не собирается, потом вывели на монитор картинки с нужных видеокамер и... и прикусили языки, потому что увидели «Ягуар» Декантрова. А его офис, как докладывала компьютерная система безопасности, был закрыт и поставлен на сигнализацию еще несколько часов на-

зад. Парни спустились на первый уровень, обнаружили валяющегося в луже крови бизнесмена и немедленно вызвали полицию. Заодно разбудили Семенова, который приехал в здание всего на десять минут позже оперативной группы.

Такой получилась завязка.

Начальник охраны был калачом тертым, сам вышел из полицейской системы, протокол, по которому действовали бывшие коллеги, знал не понаслышке, искренне надеялся, что все положенные мероприятия будут завершены до основного наплыва офисных служащих, а потому будить Хвостова среди ночи не стал. Зачем? Утром приедет и обо всем узнает. Однако реальность оказалась суровее, чем рассчитывал Семенов. Едва полицейские эксперты приступили к работе, как в паркинг вкатились три массивных внедорожника, а вылезшие из них мужчины жестко сообщили ошарашенным блюстителям порядка, что убийство высокопоставленного «белого воротничка» является федеральным преступлением, имеющим непосредственное отношение к безопасности государства. Несмотря на странность заявления, артачиться полицейские не стали: сделали пару звонков, убедились, что безопасники не шутят, и ретировались, пожелав Семенову удачи. А наглые федералы выгнали всех вон, отключили следящие видеокамеры и до сих пор копошились на перекрытом уровне, не допуская на него «посторонних».

— Попробую поговорить. — Хвостов нервно глянул на часы, понял, что терять нечего, и двинулся по широкому пандусу к парням, что контролировали основной въезд в уровень. — Я хочу знать...

— Фамилия?!

— Что? — растерялся управляющий.

— Фамилия?!

И холодный вопрос, больше похожий на окрик, заставил Хвостова сбиться.

Направляясь к федералам, Василий Николаевич чувствовал себя недостаточно уверенно, но надеялся,

что значимая его должность и список весьма влиятельных компаний, арендовавших в небоскребе помещения, должны заставить безопасников вести себя корректно, однако наглый окрик заставил управляющего опешить.

— Я...

— Вы — Хвостов Василий Николаевич, пятьдесят четыре года, майор вооруженных сил в отставке, — ровно, но с едва различимыми нотками презрения в голосе, произнес один из безопасников. — У вас есть интересная следствию информация?

Перекрывшие дорогу федералы не походили друг на друга: один высокий, второй приземистый, плотный, у первого лицо вытянутое, породистое, у второго круглое, крестьянское, но оба были рыжими, и это обстоятельство Василий Николаевич отметил, даже несмотря на охватившую растерянность.

— Что?

— Вы располагаете какой-либо информацией о совершенном здесь преступлении?

— Нет.

— В таком случае...

— Я должен знать... — Из последних сил попытался отстоять свои права Хвостов, но был бесцеремонно перебит:

— Вы должны только одно — сотрудничать с нами, — веско произнес высокий. — В настоящий момент мы заинтересованы в получении информации. Если вам нечего сообщить — не путайтесь под ногами.

И отвернулся, давая понять, что разговор окончен.

Давно, очень, очень давно не переживал Василий Николаевич подобного унижения. Чувствуя себя оплеванным, он вернулся к Семенову и, не найдя подходящих случаю слов, скорчил гримасу. В ответ начальник охраны пожал плечами:

— Я предупреждал.

— Челы беспокоятся, мастер.

— Они всегда беспокоятся, — буркнул в ответ Гуго.

— Просят открыть уровень. Если мы создадим здесь пробку, то привлечем ненужное внимание.

Гуго де Лаэрт, мастер войны Ордена, кивнул, показывая помощнику, что услышал, но на этот раз промолчал. Вновь повернулся к двум командорам войны, что заканчивали повторный осмотр места происшествия, и вопросительно поднял брови.

— Ничего не изменилось, мастер, — коротко ответил один из рыцарей. — Все говорит о том, что Алекса де Кантора убил человский колдун.

Этот вывод уже звучал, и именно он привел к повторному, более тщательному осмотру места убийства. Потому что...

— Алекс был магом третьего уровня, — едва сдерживая раздражение, произнес де Лаэрт. — Останься он на службе, давно стал бы командором войны, и ты, Иоганн, знаешь об этом лучше меня. Ты учился с Алексом.

— Он был моим другом, — хмуро подтвердил рыцарь.

— И был хорош в бою.

— Верно, мастер.

— А теперь назови мне чела, способного потягаться с де Кантором в поединке.

Вопрос прозвучал насмешкой: среди господствующих на Земле челов сильные маги встречались настолько редко, что их можно было пересчитать по пальцам. Но даже они трижды подумали бы, прежде чем атаковать чуда со способностями к титулу командор войны. И пусть де Кантор не закончил обучение — он все равно был быстр и силен.

— На Алекса мог напасть Хранитель Черной Книги, — предположил второй рыцарь, Борис фон Дорт.

— Не подходит, — качнул головой Гуго. — Лариса соблюдает нейтралитет и не высовывается больше необходимого.

Иоганн и Борис были не простыми воинами, они входили в штаб мастера войны, а потому осмотр плавно перешел в совещание.

— Ларису могли подставить, — едва слышно произнес из-за спины Гуго помощник. По статусу ему не позволялось подавать голос, однако юноша не сдержался.

— Кто? — осведомился де Лаэрт.

— Ну, например, тот, кто хочет добраться до Черной Книги.

— То есть, другой чел?

— Да.

Де Лаэрт стиснул зубы.

Как все чуды, мастер войны был рыжим, как все воины, обладал отличной, без капли лишнего жира фигурой, но главным его достоинством было не умение сражаться, а выдающиеся способности, которые и позволили Гуго стать высшим боевым магом Ордена. И сейчас, машинально проверяя работу подчиненных рыцарей, де Лаэрт снова убедился в их правоте. Видел то же, что и командоры войны, видел немыслимое — Алекс де Кантор убит челом, и именно это заставляло Гуго стискивать зубы. Потому что в его представлении, и в представлении всех обитателей Тайного Города, челы не были способны на подобный подвиг.

— Есть гиперборейская ведьма, — осторожно напомнил Иоганн.

— Следов Золотого Корня не обнаружено, только энергия Колодца Дождей, — покачал головой Борис. — Стандартная человеческая магия, никакой гиперборейской мути.

— К тому же Яна с Кортесом уехали на остров, — протянул Гуго. — Я провел у них прошлые выходные и знаю, что возвращаться они не собирались.

— Могли соврать.

— Следов Золотого Корня нет, — повторил Борис.

— Может, люды? — продолжил поиск врагов Иоганн. — От них всего можно ожидать. Магическая

энергия у них с челами общая, вот и прикинулись, чтобы следы замести.

Отношения между Великими Домами Тайного Города никогда не были братскими, максимум — временный союз, изредка — война, как правило — нейтралитет. Сейчас шел период нейтралитета, но настоящий воин никогда не забывает о старых врагах.

Впрочем, будь Иоганн чуть менее расстроен смертью друга, он наверняка понял бы, какую глупость сморозил.

— Люды здесь не появлялись, — тихо произнес Борис. — Ты трижды проверил.

— Я мог ошибиться.

— Не мог. — Фон Дорт перевел взгляд на Гуго: — Мощная зеленая ведьма оставила бы такие следы, что никакой маскировкой не скрыть.

— Скрыть, — упрямо заметил Иоганн.

— Но признаков маскировки нет, — разозлился Борис. — Нет! И я предлагаю смотреть правде в глаза, пусть даже правда эта — нереальная. Здесь был чел. Один чел. И он убил Алекса «Эльфийской стрелой». Точка.

Иоганн дернулся, словно хотел возразить, но посмотрел на напарника и передумал. Кивнул и отвернулся.

— А что видеокамеры? — Гуго покосился на помощника. — Проверили?

— Так точно.

«Когда же ты поймешь, что меня интересуют результаты, а не бравое подтверждение исполнения приказа?»

— И что? — спросил де Лаэрт, едва сдержав раздражение.

— Алекса убили в «слепой» зоне.

— Преступник воспользовался порталом?

— Нет.

— Значит, другие видеокамеры его видели?

— Судя по всему, преступник использовал одежду с

эффектом «Накидки пыльных дорог», — уныло сообщил помощник. — На записях его нет.

— Алекс должен был почувствовать магическую одежду и насторожиться, — проворчал Борис.

— Значит, убийца добрался до «слепой» зоны и уничтожил одежду.

— Как же ему удалось уйти незамеченным?

— Он мог спрятать «накидку» под машину. — Гуго кивнул на «Ягуар». — В ней есть артефакты, так что шмотки затерялись в магическом фоне, и Алекс ничего не почувствовал.

— А видеокамера «видит» только половину «Ягуара», — прищурился помощник.

— Хитер.

— Он все хорошо продумал.

— Проклятый чел...

Чел, убивший командора войны в прямом поединке. Немыслимое предположение, но других нет. Мотивами убийства неясны, но ими можно заняться позже. Сейчас же Гуго интересовал другой вопрос:

— Если убийца — чел, то как он смог опередить Алекса?

Рыцари переглянулись и одновременно развели руками.

— Никаких предположений?

— Может, убийца использовал артефакт? — неуверенно протянул Борис.

— Артефакты нужно готовить к работе, и у Алекса было бы время ответить или уйти.

Активизировать, к примеру, «Дырку жизни», выбрасывающую своего обладателя в приемную Московской обители — это приспособление носили с собой почти все обитатели Тайного Города. Но де Кантор даже не пытался включить артефакт.

— Его застали врасплох, — закончил Иоганн.

— Согласен.

А этот вывод возвращал чудов к вопросу: как чел опередил Алекса?

Гуго медленно вернулся к лифту, от которого начал свой последний путь де Кантор, и сделал несколько шагов к «Ягуару», на ходу комментируя происходящее:

— Вот Алекс идет по паркингу... Говорит с женой по телефону... Видит... — Взгляд мастера войны уперся в урну, рядом с которой стоял пластиковый контейнер на колесиках. — Видит безобидного чела, который опорожняет помойку... Уборщиков проверили?

— Так точно...

— Мне нужны подробности! — рявкнул де Лаэрт. — Подробности, черт тебя дери, а не «так точно»! Понятно?

— Чел закончил работу примерно за час до убийства и уехал домой, — немедленно доложил покрасневший помощник. — К нему съездил Жиль Хаммер, провел допрос и позвонил мне. Сказал, что уборщик — обыкновенный чел, ни грана магических способностей.

— Установите за ним наблюдение.

— Слушаюсь.

Помощник взялся за телефон, а де Лаэрт продолжил:

— Итак, Алекс видит уборщика, но не обращает на него внимания, потому что нет признаков опасности, нет ничего подозрительного... Алекс спокойно заканчивает разговор с женой, убирает телефон... Делает еще один шаг... — Гуго уперся в распростертое на полу тело. — И получает «Эльфийскую стрелу» в грудь.

— С близкого расстояния, — уточнил Иоганн. — Не больше полутора метров.

От чела, которого он считал безобидным.

— Снять ауру преступника не получилось, — угрюмо добавил Борис. — Тут проходной двор, и вычленить нужный нам след нереально.

— То есть мы вообще ничего не знаем об убийце?

— Вообще ничего, — подтвердил фон Дорт.

А Иоганн сопровождал доклад напарника крепким словечком.

Ругань де Лаэрт не одобрял, но делать рыцарю замечание не стал, поскольку прекрасно понимал состояние Иоганна, потерявшего старого друга. Однако паузу выдержал, давая понять, что недоволен, добился того, что Иоганн опустил взгляд, и продолжил размышления:

— Итак, мы знаем, что какой-то чел по каким-то причинам решил убить Алекса. Чел, несомненно, из Тайного Города, прекрасно понимающий, что мы проведем самое тщательное расследование и приложим все силы, чтобы покарать преступника. Вопрос: почему убийца не замаскировал свои действия? Если он такой быстрый, то мог бы воспользоваться пистолетом, попытаться изобразить все заурядным преступлением.

— Не рискнул?

— А чего ему бояться?

— С пульей в голове Алекс мог бы протянуть несколько секунд...

— И ответить.

— Правильный выстрел свел бы эту опасность на нет, — задумчиво произнес мастер войны. — А две подряд пули в голову гарантированно не позволили бы Алексу ответить.

— Чел плохо стреляет?

— Или мы имеем дело с показательной расправой.

Вывод оказался настолько неожиданным, что рыцари не сразу поняли, куда клонит Гуго.

— То есть?

— Нам бросили вызов, — объяснил де Лаэрт. — Чел не просто убил Алекса, он сделал это с помощью магии, и тем дал нам понять, что не боится преследования.

— А это означает, что за ним, возможно, стоит один из Великих Домов, — пробормотал Борис.

— Ставлю на темных.

— Зачем навам убивать Алекса?

Иоганн пожал плечами:

— Затем, что они навь. Они наши враги.

— Если убийцу прикрывает Темный Двор, то этим занимается Сантьяга. А Сантьяга никогда и ничего не делает без веской причины. — Гуго потер подбородок и вновь посмотрел на мертвого рыцаря. — Для чего ему нужна смерть Алекса? Давайте предположения. Но версия о том, что комиссар решил нас позлить, не принимается.

— Сантьяга любит устраивать многоходовые интриги, — подумав, высказался Иоганн. — Возможно, смерть Алекса — лишь первый шаг в большой игре.

— Допустим, — согласился Гуго. — Но это означает, что навь ждут от нас определенных шагов, а что нам остается, кроме расследования? Другие шаги невозможны.

— Другие шаги — предположение, что за смертью Алекса стоят навь, — задумчиво произнес Борис. — Возникает напряженность между Орденом и Темным Двором, которая, в свою очередь, может быть интересна людям.

— Принимается, — помолчав, сказал де Лаэрт. — У людов недавно поменялась воевода дружины Дочерей Журавля, и Ярина, вполне возможно, решила устроить какую-нибудь каверзу, дабы продемонстрировать королеве свою значимость.

— Я больше верю в подлость навов, — проворчал Иоганн.

— Борис?

— Если мы и в самом деле предполагаем хитроумную интригу, то я посоветовал бы делать вид, что мы ее не предполагаем, — рассудительно ответил фон Дорт. — Мы должны проводить расследование в обычном режиме: искать мотив и вычислять убийцу по тем данным, какие у нас есть. Любые другие шаги будут на руку нашим противникам.

— Мы говорим об Алексе! — не выдержал Иоганн.

— Хочешь сказать, что мне безразлична его смерть? — огрызнулся Борис.

Напряженный взгляд, напряженные позы... казалось, командоры войны вот-вот сойдутся в схватке. Гуго приготовился разнимать своих ребят, но, к счастью, у Иоганна хватило выдержки не развивать скандал.

— Нет, не хочу. — Рыцарь помолчал. — Извини.

— Ничего, — глухо отозвался фон Дорт. — Я понимаю.

Каждый рыцарь, каждый боевой маг прекрасно знает, что может потерять близкого друга в любой момент. Каждый рыцарь, каждый боевой маг подсознательно готовится к этому, но всякий раз потери приходят вдруг. И бьют наотмашь. Словно издеваясь. Словно проверяя на крепость...

— Я тебя услышал, Борис, — медленно произнес Гуго. — И склонен согласиться с твоими доводами. Лишние предположения лишь усложняют картину, а потому будем искать настоящие доказательства... Будем искать убийцу.

И чуды, не сговариваясь, посмотрели на тело де Кантора, которое им предстояло отвезти в Замок. А потом встретиться со вдовой...

— Мы отомстим, — пообещал Иоганн.

— Обязательно, — поддержал напарника Борис.

— Клянусь, — закончил Гуго. Выдержал паузу, после чего повернулся к помощнику: — Нужно проверить всех человеческих магов подходящего уровня, их мало, так что сложностей не возникнет.

— Есть.

— Я же переговорю с людьми. Возможно, они знают о каком-нибудь самородке высокого уровня.

— Людям понравятся наши проблемы, — мрачно заметил Иоганн.

— Не сомневаюсь, — вздохнул де Лаэрт. — И сообщите челам, что они могут пользоваться своей парковой, мы уходим.

* * *

Туристическая компания «Планета Люкс».

Москва, 2-я Брестская улица,

7 июня, вторник, 11:12

— Я никуда не поеду!

— Но...

— Никаких «но», Артурчик! Хватит!

Разбушевавшейся женщине было плевать на посторонних, на то, что чужие люди оказались в эпицентре семейной разборки и на то, что они подумают о «благородном» семействе. Женщина хотела высказаться, и не просто высказаться, а излить накопившееся за несколько лет возмущение, а потому ее не могла остановить такая ерунда, как свидетели.

— Три года, Артурчик! Целых три!

Глаза пылают, рот перекошен, тонкие холеные пальцы скривились, словно женщина готова пустить в ход наманикюренные ногти, и Даша машинально откинулась на спинку кресла, искренне надеясь, что ураган ее не коснется.

— Три года я терпела твои идиотские выходки, Артурчик! Три года мы ездили в отпуска только зимой, чтобы ты сполна насладился своими идиотскими лыжами! Три года я вела себя как дура, надеясь, что ты, наконец, подумаешь обо мне...

— Но, дорогая... — Несчастный муж попытался вставить хоть пару слов, но неудачно. Вошедшая в раж супруга не дала ему и шанса:

— Заткнись!

— Милая, здесь люди...

А здесь — горькая правда жизни!

— Три года псу под хвост! Я таскалась за тобой по всяким скалам и совершенно забыла, что такое загар!

— Солярый...

— Издеваешься? — взвизгнула женщина.

— Ты же сама говорила, что он полезнее солнца...

— Заткнись!

— Вера!

— Что «Вера»? Что?! Я хочу на море! Под пальмы хочу! На пляж!

Как ни странно, супруг попытался оспорить заявление любимой:

— Тебе же нравились лыжи... — Артур в недоумении развел руками. — И мы...

Однако попытка предсказуемо привела к еще одной вспышке:

— Тебе они нравятся, тебе! Все эти склоны, горы, подъемники, а главное — апрески до утра! А мне осточертело, понял? И теперь, когда у нас в кои-то веки появилась возможность слетать в отпуск в июле, я не собираюсь переться в Чили! Слышишь? Не собираюсь! Достаточно с меня гор!

Неладное Даша заподозрила в тот самый миг, когда парочка переступила порог кабинета. Холеная Вера, наряженная в модные тряпки, закупленные на миланских распродажах, держалась «с достоинством». То есть, смотрела на всех встречающих с презрительным высокомерием, свойственным аристократам в «надцатом» поколении и удачно выскочившим замуж рыночным торговкам. А вот в улыбке не менее холеного Артура крылась некая загадка, и Даша мгновенно поняла, что любимую супругу ожидает сюрприз. Пару дней назад Артур, бывший постоянным клиентом агентства, звонил Даше и расспрашивал о горных курортах Южной Америки, на которых как раз начался сезон. В результате двадцатиминутного разговора выбрали Чили, о чем холеная Вера должна была узнать непосредственно в агентстве. «Дорогая, ты только посмотри, что мы с Дашей придумали!» провозгласил счастливый Артур и даже не заметил, как сошлись на переносице тоненькие брови заподозрившей неладное женушки. «Удивительная красота чилийских гор...» Вот, собственно, и все, что успела произнести Даша. После слова «горы» Вера принялась верещать, словно обезумевшая сигнализация.

— Достаточно с меня гор! — повторила вскочившая на ноги женщина. — Только пальмы, ты понял? Море, пляж, песок и солнце! Или все!

— Что все? — растерялся Артур.

— Сам догадайся! Я не собираюсь тратить свою жизнь на карабканье по скалам!

— Мы катаемся!

— Заткнись!

И вылетела из кабинета, яростно хлопнув на прощание дверью. Артур виновато развел руками, пробормотал: «Извините» и торопливо последовал за взбешенной супругой. Даша вздохнула, закрыла все приготовленные файлы — судя по всему, Чили отменяется, — и потянулась.

В свои двадцать четыре года невысокая, стройная, но не худенькая девушка выглядела замечательно, как девятнадцатилетняя первокурсница. Круглое лицо, большие темные глаза, чуть вздернутый носик, маленький, изящно очерченный рот, густые каштановые волосы — Даша походила на хорошенькую куколку, однако те, кто с ходу отказывал ей в уме, совершали большую ошибку. За пряничным фасадом скрывалась сильная, целеустремленная натура, уверенно следующая по выбранному пути. В настоящий момент — по карьерному. Хорошее образование, железный характер, упорство и трудолюбие позволили Даше не просто устроиться в элитное туристическое агентство, клиентами которого становились лишь люди с очень толстой кредитной картой, но и быстро, всего за полтора года, пройти путь от рядового менеджера до начальника отдела. Казалось бы — все хорошо, жизнь устроена, но знающие девушку люди понимали, что это только начало. Останавливаться на достигнутом Дарья не умела.

— Идиотка, — прошипела вслед исчезнувшей клиентке Лиза. — В горах сейчас замечательно...

В руке Лиза держала какую-то бумажку, но Даша поняла, что подруга проскользнула в кабинет не по делу, а чтобы насладиться скандалом.

— В Чили, говорят, интересно...

— Чем?

— Хотя бы тем, что когда еще туда соберешься? А с курорта, чем черт не шутит, можно и на Огненную Землю смотреть...

— Вера отстаивала свою точку зрения, — пожалала плечами Даша. — Имеет право.

— В любви приходится чем-то жертвовать. — Лиза поняла, что подруга не прочь поболтать, присела на стул и глубокомысленно закончила: — На то она и любовь.

В ее недлинной жизни настоящего чувства еще не было, однако Лиза не сомневалась, что знает о любви все.

— Жертвовать нужно, — согласилась Даша. — Но не постоянно.

— То есть?

— Вера мучилась три года, пора бы и Артуру пойти навстречу.

— Чем она жертвовала? — возмутилась Лиза. — Своим отпуском?

— Разве этого мало?

— Ты же ее видела: заурядная домохозяйка с претензиями. Ничего из себя не представляет, корова крашенная, а все туда же — командовать. Села мужику на шею и ножки свесила. И еще претензии выкатывает.

Лиза отчаянно завидовала таким вот «крашеным коровам», сумевшим прибрать к рукам завидных мужиков. Сама хотела бы сесть и ножки свесить, но пока не получалось — все кандидаты и слышать не хотели о свадьбе, а потому обсуждение удачливых соперниц было для Лизы одним из главных в жизни развлечений. И главным способом излить накопившуюся желчь.

— Она радоваться должна: мужик такое путешествие предлагает — в Южную Америку! Когда еще там побываешь? А эта дура истерики закатывает. Зажралась.

— Вера права, — ровно произнесла Даша.

— Неужели?

— Ты озверела бы еще раньше. Я ведь знаю, как ты к горным лыжам относишься.

— Я... — Лиза осеклась. Говорить о том, что она мечтает стать тихой и послушной женушкой, во всем потакающей мужу, было бессмысленно, и потому девушка решила перевести разговор в другое русло. Она чуть наклонилась вперед и доверительно произнесла: — Ты сегодня странная.

— Злая?

Прямой вопрос, заданный равнодушным тоном, еще больше смутил Лизу:

— Я этого не говорила.

— Но подумала.

— Извини.

— Ничего. — Даша вздохнула и повертела в руке авторучку. — Я не злая, просто...

Просто жара на улице нестерпимая, всего лишь начало июня, а уже под тридцать. Асфальт пышет жаром, бетонные коробки домов похожи на домны, и больше всего на свете хочется уехать подальше от раскаленного города. Как можно дальше. Уехать туда, где свежо и прохладно, и где...

Нет, не только жара мучила Дашу последние дни. Не внезапно наступившее лето делало ее злой.

— У меня все в порядке.

— Это твоя обычная отмазка.

— А что делать, если так оно и есть? — поинтересовалась Даша.

— Не врать.

— Я не вру.

— Ну и ладно. — Лиза поднялась. — Обедать идешь?

— Чуть позже. Я зайду.

— Договорились.

Лиза выскользнула из кабинета, а Даша вновь откинулась на спинку кресла, и со стороны могло показаться, что девушка вжалась в него, словно пытаясь спря-

таться на широкой кожаной груди. Вжалась и задумалась, продолжая вертеть авторучку.

Главной проблемой успешной и целеустремленной Даши, карьерному росту которой завидовали все, без исключения, подруги, был Коля. Любимый мужчина. Но так уж, видимо, заведено: если в одном месте хорошо, в другом обязательно случится что-нибудь неприятное. Закон сохранения энергии, будь он проклят.

В последнее время Коля стал задерживаться на работе — два раза за прошлую неделю. Никаких других признаков назревающей проблемы не было, вел себя Коля как обычно, и Даша не обратила бы на его позднее появления внимания, если бы не разговор, что состоялся у них примерно месяц назад. На майские праздники они летали к морю, поселились в маленьком отеле, дни проводили на почти диком пляже, и вот там-то, когда они лежали на теплом песочке, разморенные и усталые после любви, Даша вдруг спросила Колю, как ему с ней живется? Романтическая атмосфера предполагала романтический ответ, объятия и поцелуи, но услышала девушка совсем не то, что ожидала. «Трудно жить с идеальной женщиной, но я стараюсь», — с ухмылкой ответил Коля, глядя на море.

Если это была шутка, то не самая удачная.

Он старается.

Даша знала, что хороша. Может, и не идеальна, как выразился Коля, но хороша. Красива, умна, коммуникабельна, на работе все получается, о доме не забывает: в квартире порядок, каждые выходные готовит что-нибудь вкусненькое, горяча в постели...

А он «старается»!

Тот разговор не просто испортил Даше настроение, Колин ответ стал стеной, преодолеть которую у девушки пока не получалось.

Что не так? Неужели они добрались до стадии «жена не должна зарабатывать больше мужа»? В смысле, Коля еще не настоящий муж, то есть, не официальный, но, тем не менее — муж, вместе живут уже три года, и

до сих пор все было прекрасно. Но теперь она начальник отдела, на хорошем счету у владельцев агентства, а Коля так и остался обычным программистом. Пусть и в приличной фирме, но звезд с неба не хватает, и вряд ли когда-нибудь станет ведущим разработчиком Майкрософт или Касперского. И даже собственная компания, пусть и маленькая, у него вряд ли когда-нибудь появится, потому что ему комфортно в офисе крупной фирмы.

Даша прекрасно знала, что ее любимый лишними амбициями не страдает, но этот факт ее вполне устраивал: двум акулам в одной лагуне не ужиться. Однако теперь возник другой вопрос: а устраивает ли Колю жизнь с энергичной и успешной женщиной? Кем он себя чувствует?

Телефонный звонок выдернул Дашу из нелегких раздумий. Несколько секунд девушка безразлично смотрела на подающее сигнал устройство, затем потянулась и нехотя сняла трубку:

— Да?

— Даша?

Очередной клиент.

— Да, это я.

— Мы созванивались.

Ну, разумеется: «мы созванивались». А имя свое мы называть не считаем нужным. Мы ведь «созванивались», а у менеджера, разумеется, всего один клиент — вы, самый важный, самый любимый... Сажу целый день на работе и думаю: когда же ты позвонишь, ненаглядный?

Претензии свои Даша не высказала, не дура, но многозначительную паузу выдержала, и сообразивший, что к чему, клиент понял, что нужно себя идентифицировать:

— Насчет Гренландии.

Что же их всех на снег потянуло? Впрочем, ничего удивительного, учитывая нынешнюю погоду.

— Крузиз вокруг Гренландии, — уточнил клиент.

— Не совсем вокруг — вдоль.

— Да, я помню. Меня все устраивает, нужно встретиться.

— Надеюсь, ваша жена в курсе?

— Что?

— Извините, — опомнилась Даша. — Это я не вам. В какое время вы хотите подъехать?

* * *

*Южный Форт, штаб-квартира
семьи Красные Шапки.
Москва, Бутово, 7 июня, вторник, 11:46*

— Наполовину?

— Да.

— Ты спятил?

— Нет!

— Мля, хреновину несешь! — Единственный глаз Кувалды Шибзича, великого фюрера Красных Шапок, яростно вытарашился на провинившегося бойца.

Как большинство дикарей, Кувалда не отличался ростом, лицом отчаянно смахивал на гладко выбритую обезьяну — волосы на Шапках почти не росли, — и предпочитал одежду из черной кожи. Высокий статус одноглазого подчеркивало качество этой самой кожи — Кувалда заказывал одежду у шасов, «крокодиловатый» пояс с бляшками и расшитой кобурой, а также медальон на толстой золотой цепи, который великий фюрер стал носить несколько месяцев назад. Массивный медальон — на лицевой его стороне был выгравирован щит с мечом, а на оборотной — штопор, Кувалде продал Урбек Кумар, главный в Тайном Городе скупщик краденого. Продал втридорога, поскольку одноглазый мгновенно признал в странной цапке величественный символ, и с тех пор медальон застрял на фюрерской груди.

— Фикую хреновину несешь, мля! — Кувалда совсем не произносил «д» — свойственная Шибзичам

шепелявость была выражена у него необычайно сильно, однако придворные лизоблюды утверждали, что милый дефект лишь подчеркивает крутизну семейного лидера. — Не могла казна вполосину уменьшиться. Это бреф и префательство!

— В натуре, нет, — растерялся Полено, которому не хотелось прослыть ни сумасшедшим, ни бунтовщиком. — Я ничего такого не понимаю.

— Почему так мало осталось?

— Чего мало?

— Фенег, фубина! Откуфа их так мало?!

Ответа на этот вопрос у несчастного Полено не нашлось.

Как, впрочем, и во всех предыдущих случаях.

Раз в месяц доверенный уйбуй великого фюрера получал в Денежной Башне запечатанный конверт с финансовым отчетом о состоянии семейной казны и привозил его в Южный Форт — компьютерной связи семейный лидер не доверял. Затем Кувалда старательно изучал финальный лист документа — на процедуру уходило от десяти до пятнадцати минут, а после на Полено обрушивался длиннющий поток оскорблений и ругательств — одноглазый лидер никогда не оставался доволен увиденным.

— Откуфа такие расхофы?

— Четыре раза «Средство от перхоти» ремонтировали за семейный счет, — пробубнил Полено, с трудом припоминая главные траты. — Один раз капитально.

— Это еще почему?

— Буянят, — пожал плечами Полено, удивляясь про себя недогадливости великого фюрера.

— А почему раньше не буянили?

— Потому что раньше их Копыто вешал, — подал голос сидящий в углу Иголка. — Кто сильно буянил, того вешал, а кто тихо буянил, того заставлял за ремонт платить.

А напарник говорливого бойца, плечистый Контейнер, веско поддакнул:

— Угу.

И ухмыльнулся криво.

— Заткнитесь!

— Слушаемся, твое высокопревосходительство! — браво отозвались телохранители, однако фюреру слышалось в слаженном ответе какое-то ехидство.

— Языки у вас флинные.

— Виноваты, твое высокопревосходительство!

А не улавливающий скрытых смыслов Полено шумно почесал голову.

Копыто, бывший уйбуй Иголки и Контейнера, ухитрился крепко разозлить Кувалду, забыв поделиться с вождем добычей, и несколько месяцев пребывал в ссылке, скрываясь от обещанной петли то ли в Англии, то ли вообще неизвестно где. Пару дней назад Копыто набрался храбрости вернуться в Тайный Город и даже попросил об аудиенции, но давать ее или нет, одноглазый еще не решил. С одной стороны, лидер все еще жаждал поквитаться с дружаном за крысятничество. С другой... С другой стороны Кувалда все чаще и чаще признавался себе, что недооценивал верного уйбуя, обладавшего сверхъестественным нюхом на всяческую измену, и потрясающей способностью с этой самой изменой управляться. Порядка при Копыто было гораздо больше, и участвовавшие побоища в «Средстве от перхоти» наглядно это демонстрировали.

Что же касается Иголки и Контейнера, двух ближайших приятелей Копыто, то после изгнания уйбуя Кувалда назначил их своими телохранителями. И поступок этот только на первый взгляд казался странным: оставшиеся без десятки бойцы не протянули бы в Форте и двух дней — врагов у них было предостаточно, и теперь цепными псами защищали гарантирующего им жизнь фюрера.

— В общем, фенег в казне с гулькин нос, а фохофы пафают ежесекунфно.

— Кризис, мля, — пожал плечами Иголка. — Везде плохо.

— А мне пофиг, что везфе, мне важно, что у нас.

— А у нас народ буянит. — Полено, сообразив, что гроза миновала, слегка осмелел. — Совсем не думает, что кругом кризис. Народ, он такой.

— Фругого у нас нет, — строго заметил Кувалда.

— Да уж, великим фюрером тебя больше никто не сделает, — хихикнул Иголка.

— Что?!

— Выразил тебе согласие, твое высокопревосходительство.

И опять — ехидство.

Иголка славился въедливым характером, даже Копыто, случалось, доводил до белого каления, а не вешали его по той причине, что боец частенько выдавал правильные мысли, нужные в тот самый момент, когда они выдавались. А поскольку с мыслями у Красных Шапок было не то чтобы хорошо, то есть — совсем плохо, Иголку приходилось терпеть. Но иногда осаживать.

— Распустился, мля?

— Да где уж мне?

— В моем кабинете!

— О! — Боец огляделся, словно видел помещение первый раз в жизни. — То-то я думаю: место знакомое...

— Прифурок! — Кувалда сплюнул, перевел взгляд на разбросанные по столу бумаги и с удивлением обнаружил чистый — ни отпечатков, ни пятен от пролитого виски — лист. Текст написан разноцветными фломастерами, заглавные буквы неумело украшены похожими на закорючки вензелями, и этот факт тоже не остался без внимания. — Вижу, с уважением составлено, мля. — Одноглазый взял письмо в руки и вслух прочитал выведенную красным «шапку»: — «Его Величайшему и Высочайшему Высокопревосходительству, Вождю и Неизменному Кумиру Красношапочной Великой Нации, Героическому Победителю Всех и Всесемейному Лиферу, Великому Фюреру Кувалфе»... — Ширина довольной ухмылки одноглазого могла бы посопер-

ничать с шириной раскинувшегося моря. — Учитесь, пофонки, правильному обращению, мля. — Великий фюрер потряс листом: — Сразу вифно, что прошение писал боец правильный, все ваще понимающий, оплот, мля, нашей великой семьи. Нафежный штык и тыл.

— Да не Штык это писал, а уйбуй Сосиска Гнилич, — презрительно протянул Иголка. — Они вчера в «Средстве от перхоти» всей десяткой письмо сочиняли. Сосиска даже руки всех вымыть заставил, чтобы не напачкал никто.

— И правильно заставил. — Кувалда полюбовался на разноцветное прошение еще несколько секунд, положил его на стол и осведомился: — О чем письмо?

— Машину просит, — доложил Полено. — Новую.

— Что за фигня? — не понял великий фюрер, ожидавший традиционной просьбы денег, виски или повесить старого недруга. — Какую еще машину?

— Ездящую, — уточнил боец. И, взяв в руки письмо, процитировал: — «Бедственное наше положение, о Великий Кумир Нации, категорически позорит меня, как верного соратника замечательного уйбуя Чемодана Гнилича, храбро сражавшегося во имя нашей Великой Семьи и лично тебя, Великого Кумира...»

— Ну, файте ему какую-нибудь, — щедро распорядился фюрер, которому очень понравилось место про «Великого Кумира». — Пусть катается Сосиска, раз он сражался храбро.

— Он какую-нибудь не хочет, — сообщил Полено. — Он крутую тачку хочет.

— Крутую?

— «Модельку, я думаю, надо вот этого года или следующего, потому что на старье всяком запахло ездить такому крутому уйбую, как я. И еще надо, чтобы все внутри кожей было сделано, только не крокодиловой, а какой мягче, с начесом, наверное, и цвета светлого, патamuшта девки любят. Еще чтобы все сиденья массировать умели, потому что я трижды ранетый в боях за светлое будущее нашей Великой Семьи и надо расслаб-

ляться. И еще чтобы машина снаружи вся из брони была, а внутри не только из кожи, но еще из дерева африканского, мне говорили, это круто, ну, ты понимаешь, Великий Кумир. И еще чтобы везде были DVD, потому что я люблю твои речи по три раза в день слушать, и еще Интернет тоже надо, чтобы я не пропустил твоих мудрых приказов каких-нибудь. И еще, чтобы там холодильник был, потому что вискарь теплый — ваще не вискарь, а синюю штучку на крышу я сам прикручу, я знаю, где ее взять, а если хочешь, то и тебе тоже добуду...»

— Муфрых моих приказов не пропустить, это зачет, — проворчал Кувалда. — Правильный уйбуй фолжен всегфа быть на связи, потому что это по-современному и ваще мофернизационно.

Иголка, внимательно ожидавший реакции фюрера, удивленно крикнул, вызвав резонный вопрос фюрера:

— Чего не нравится?

— Модернизация, мля, это когда раньше на дело с кистенями ходили, а потом с пулеметами. И еще все ходили, никто не отлынивал, — храбро заметил Иголка. — А когда ты бабло в общак сваливаешь, а потом Чемодан и его колбаски с общака кормятся, это не модернизация, а хрень полная.

— Я тебе, фубина, про Интернет...

— А я про то, что за бронированными стеклами творится. — Боец мотнул головой на ближайшее окно. — DVD ему, мля, с массажером и холодильником!

— И деревом африканским, — поддакнул Контейнер.

— Ранетому, мля, — добавил Полено. — Я тоже много ранетый, но тачку крутую не требую.

Неудовольствие преданных бойцов заставило одноглазого опомниться:

— Это, конечно, слишком — дерево тама, туфа-сюфа, и ваще. Бреф, мля! Пусть Сарфелька сам себе на новую тачку награбит!

— Сосиска, — поправил фюрера Полено.

— Тем более! Пусть грабит, мля! Пусть покажет, что он не сарфелька.

— Вот он и грабит, — заметил ехидный Иголка.

— Кого?

— Того, кто не сопротивляется, мля. — Боец дерзко посмотрел на одноглазого. — Тама, на улицах, полиция человская тусит, да и сами челы не промах, многие при оружии ходят, пальнуть в ответ могут, вот Сосиска и решил, что тебя грабить проще.

— Ты не заговаривайся, мля.

— А я чо? Я, в натуре, верный, потому как мне податься больше некуда. — В последнее время Иголка частенько бравировал этим обстоятельством, заставляя фюрера слушать горькую правду. — Ты Чемодану тачку крутую подарил, которую он у тебя требовал?

— Не требовал, а просил, — поправил телохранителя Кувалда. — Униженно.

— Ага, конечно, — кивнул Иголка. — Тока тачку за двести штук униженно не просят. Ты ее подарил?

— Ну? — сдался одноглазый.

— А почему Сосиске нельзя, раз ты из казны семейной баблом фонтанируешь, как челы нефтью? Фигли Сосиска волосатый, что ли?

— Пасть захлопни, — посоветовал Кувалда. — А то я тебя, с твоей верностью, мля, по уши в асфальт закатаю.

— А что изменится?

— Офна макушка от тебя останется, вот что, мля!

— А для тебя чо изменится?

— А чо фолжно?

— Вот именно: ни хрена не изменится. Как из тебя Чемодан и его Гниличи бабло тянули, так и будут. Пока ты им не надоешь.

— Пасть захлопни!

Но Иголку понесло. Длинный его язык, плюс природная нелюбовь к Гниличам, заставили бойца напроць позабыть об осторожности и рубить правду-матку в лицо лидеру:

— Почему Сосиска сам на крутую тачку не нагребит? Потому что не хочет, мля! Хочет, чтобы ты его кормил!

— Вот именно, — встрял Контейнер.

— У всех бывают неуфачные фни, — неожиданно мирно произнес Кувалда.

— Чемодан уже давно в общак ничего не платит, — торопливо наябедничал Полено. — Гниличи ему добычу сносят, а тебе он говорит, что у него нет ничего. И еще просит, потому что ты даешь.

— Шлюхи фаут, — отрезал Кувалда.

Подданные благоразумно промолчали.

— А Чемофан верный, — сообщил после паузы фюрер.

— Верные бабло тебе несут, а этот тянет только, — заметил Иголка.

— А помнишь, как фва месяца назаф Гниличи возбухнули? Помнишь? Кто тогфа Гниличей своих вешал, а? Чемофан и вешал.

Та междоусобица потрепала фюреру нервы. Началось все с сущей ерунды: в «Средстве от перхоти» повздорили две десятки Гниличей. Уйбуй Четверка, личность темная, и одноглазому никогда не нравившаяся, сцепился с уйбуем Сосиской, верным сторонником Чемодана. Слово за слово, выстрел за выстрелом, за каждым из Гниличей встали приятели, и той же ночью во дворе Южного Форта началась форменная война, смысл которой от удивленного Кувалды ускользнул. Бравый Чемодан спешно сообщил Национальному Лидеру о раскрытии кровавого мятежа и лично принял участие в его подавлении, заслужив горячую признательность одноглазого. Однако впоследствии въедливый Иголка не раз намекал, что выглядел бунт весьма подозрительно.

— Чемодан вешал только тех, кто против него бубнил, — выдал свою версию неугомонный боец. — И ваще неясно, было ли там что супротив тебя или же он

просто среди Гниличей первым делался, а Четверка ему мешал.

— У Гниличей, но не в семье.

— А тебе, твое высокопревосходительство, надо, чтобы среди Гниличей первый был?

Кувалда скривился. Но с ответом не нашелся, потому как чрезмерное возвышение какого-либо уйбуя грозило великому фюреру неприятностями, и тут Иголка был прав.

— Гниличи теперь тока Чемодана слушают, — проворчал Полено.

— А значит, его тово, гасить надобно, — произнес Иголка.

— Угу, — поддержал напарника Контейнер.

Но столь радикальное предложение вызвало у великого фюрера определенное сомнение. Конечно, в словах бойцов правды много, но если хитрый Гнилич и впрямь возвысился, то придавить его будет сложно. Потому что Шибзичи, так уж сложилось, всегда были самым малочисленным кланом Красных Шапок.

— Чемофан за меня, — вздохнул Кувалда.

— Раньше просто так был, — уточнил Иголка.

— А теперь?

— Теперь ты ему платишь.

— А он не бунтует. И Гниличам не фает. И рассказывает, кто из них бунтует.

— Он, между прочим, уйбуя Берданку позавчера шлепнул.

— Я разрешил.

— А Берданка против тебя не выступал.

— Он с Чемофаном поссорился.

— И Чемодан его убил.

— Главное, чтобы поряфок был.

— Чемодан свой порядок делает, а ты ему денег даешь.

— К чему клонишь, боец?

— Неправильно все идет, твое высокопревосходи-

тельство, — пожал плечами Иголка. — Чо непонятного?

— Учить меня взфумал?

— Рассказываю, чем все кончиться может.

— И чем?

Вместо ответа Иголка повернулся к приятелю:

— Вот скажи, Контейнер, ты бунтовать хочешь?

— Нет. — Здоровяк, а Контейнер был по меркам Шапок весьма высок, удивленно посмотрел на Иголку, а потом на Кувалду: — Ваше не хочу, мля, чтоб я лопнул. Честное слово.

— А если бы увидел, что если не бунтуешь, то тебе денег дают?

— Тогда другое дело, — ухмыльнулся боец. — Тогда надо...

— Вот видишь? — Иголка резко повернулся к фюреру и повысил голос, не позволяя одноглазому ответить: — Уйбуи наши соображают медленно, но скоро догадаются: раз ты Чемодану денег даешь, чтобы тот не бунтовал, они что, на помойке себя нашли? Тоже так себя поведут.

— А я на них Чемофана натравлю.

— А оно ему надо? Ты ему денег даешь, чтобы он не бунтовал, а на остальное он не подписывался. И слухи могут поползти...

— Какие?

— Что ты Чемодана боишься, и потому денег ему даешь.

— На виселицу захотел?

— А помните, как неделю назад боец Гниличевский Задире Шибзичу морду набил? — Полено влез очень вовремя, буквально спас Иголку от очередных угроз. — В казарме нашей набил, между прочим. Мы хотели разобраться, а Чемодан со своей десяткой притащился вооруженный и сказал, чтобы Гнилича никто не трогал. И все не пикнули. Вот и получается, что чемодановским бойцам можно лупить кого хошь, а нашим нельзя.

— Ты тоже заткнись! — рявкнул Кувалда. Другого ответа у него не было.

— Копыто надо возвращать, — протянул Иголка.

— Он изменщик и пофлец.

— Зато он четко чуял, кого надо вешать и когда.

— А я, типа, не чую?

— Ты, твое высокопревосходительство, нашу семью в светлое будущее ведешь, о великом думаешь и все такое прочее. — Иголка верноподданно посмотрел на великого фюрера. — А Копыто вешал тех, кого путь не устраивал. И все были довольны.

— А теперя?

— А теперя Гниличи свое мутят, Дуричи, глядишь, тоже возбухнут, а с одними Шибзичами не удержишься, твое высокопревосходительство, как пить дать не удержишься.

— Разберемся. — Кувалда злобно посмотрел на Сосискино прошение, помолчал, а потом схватил лист, порвал его на несколько частей и повторил: — Разберемся.

* * *

Зона Кадаф.

Москва, Кремль, 7 июня, вторник, 12:09

«Все вы — подлые скоты. Самолюбивые и заносчивые колдуны, кичащиеся своими древними корнями. Нелюди, пришедшие на Землю тысячи лет назад... Если вы такие умные, сильные и смелые, то почему скрываетесь? Почему прячетесь от людей в московских закоулках, которые гордо именуете Тайным Городом? Почему не вернете себе то, что якобы принадлежит вам по праву: планету? Почему?

Я знаю, почему.

Потому что всей вашей магии и самоуверенности хватает лишь на то, чтобы задирать носы и презрительно именовать людей «челами». Потому, что вы — слабаки, давно забывшие, что такое настоящая сила. По-

тому, что будущее принадлежит нам, людям, а ваша участь — прятаться в темных подворотнях. А раз так, то нет вам уважения и почитания. Нет! Потому, что недостойны... Потому, что...»

Мысли путались.

Переполняющие голову оскорбления не желали складываться в гладкие предложения, путеводная звезда пропала, и потребовалось несколько секунд, чтобы отыскать новую тему для проклятий.

«Но хуже всех — темные. Поганые нравы, считающие себя элитой Тайного Города. Высокомерные мерзавцы, для которых люди — копошащиеся у их ног насекомые. Вы, древние уроды, наглые выскочки, ведущие себя, как небожители. Проклятые... Недостижимые... Все жители Тайного Города относятся к вам с уважением, а люди... Люди склоняют головы раньше, чем вы на них посмотрите. Люди! Господствующая раса! Потомки тех, кто отправил нелюдей в резервацию! Когда-то гордые, а ныне... Прозябающие! Люди!»

— Но сегодня все изменится!

Последнюю фразу он произнес вслух и крепко сжал кулак. Машинально сжал, поскольку того требовала переполняющая его ярость.

«Сегодня Темный Двор получит щелчок по носу... Да что щелчок — пощечину! И нанесу ее я! Сегодня все увидят, что нет в навах ничего необычного. Что они уязвимы, и что они смертны. Сегодня нава покарает «насекомое», «чел». Сегодня темные будут унижены, а сделаю это я. Я покажу, что навов не надо бояться. Я покончу со страхом, который они наводят. Я укажу путь!»

— И за мной пойдут другие!

В каждом Великом Доме Тайного Города хватало опытных воинов, поднаторевших в искусстве убивать. Во имя Дома, во имя семьи, во имя того, чтобы продолжали жить те, кто выжил в невероятных катаклизмах.

И в каждом Великом Доме бережно хранили память о бойцах, бесстрашно защищавших свои семьи. Чтили их. Слагали легенды. Гордились.

Мало кто мог сравниться с людьми силой и физической мощью. Несокрушимые шеренги белокурых здоровяков издревле наводили страх на врагов Зеленого Дома, а их тяжеленные секиры с легкостью раскалывали толстые щиты и лучшие доспехи, отсекая пропус- тившим удар врагам руки и головы.

Потрясающей скоростью отличались хваны. Четырехрукие вассалы Великого Дома Чудь предпочитали легкие и острые мечи, тонкие, почти игрушечные на вид, но наносящие ужасные резаные раны. Хваны владели своим оружием с невероятным искусством, и их частенько сравнивали с опытными поварами, способными за доли секунды разделать на тонкие ломтики любую дичь.

Неудержимыми на полях сражений были боевые маги: рыжие рыцари Ордена и знаменитые Дочери Журавля, отчаянные воительницы Зеленого Дома. Не только оружием разили они врагов, но и заклинаниями, насылая яд, огонь и ужас...

Но...

Но были в Тайном Городе воины, которые превосходили всех. Чуть сильнее людов, немного быстрее хванов, на гран искуснее в боевой магии чудов и Дочерей Журавля. Навы, гарки Темного Двора, так их звали. Наследники несокрушимых легионов, сумевших стереть в порошок легендарных асуров, первых созданий Спящего. Не умеющие отступать, сдаваться и не выполнять приказы князя. Доблесть гарок вошла не в одну поговорку, и именно их выдающиеся качества были причиной того, что в охране зоны Кадаф, которую Великие Дома осуществляли на паритетных началах, присутствовал всего один темный — этого было достаточно.

— Как дела? — осведомился Дирга, скептически изучая неказистый бетонный прямоугольник, который

челы для чего-то воткнули на землю древнего Кремля. Идиотское здание давно перестало раздражать нава, но оказываясь в зоне Кадаф, он всякий раз находил его взглядом и чертыхался. — Происшествия были?

— Догадайся, — саркастически предложил Харуга. И тут же кивнул на брежневский дворец: — Все никак не успокоишься?

— Лет через двести привыкну, — пожал плечами Дирга. — Если его к тому времени не снесут.

— Не нужно думать о челах лучше, чем они есть, — хмыкнул Харуга. — Разрушают они исключительно красоту, поэтому каменный сарай останется тут навсегда.

— На строительстве можно хорошо погреть руки.

— Подкинь эту идею какому-нибудь чиновнику.

— А как его потом остановить?

— Не знаю. Нужного заклинания еще не придумали.

Навы рассмеялись.

Согласно протоколу, смена должна была осуществляться в комнате дежурных, в присутствии хотя бы одного мага из другого Великого Дома, однако гарки испытывали уважение исключительно к законам Темного Двора, а потому встретились на улице, рядом с Кутафьей башней, и там же провели нечто похожее на официальную передачу смены.

— Так что с происшествиями? — вернулся к делам Дирга. — Совсем ничего не случилось?

— Люды перекрасились в брюнетов.

— Зачем?

— Со скуки.

— Понятно.

— Книжку взял?

— И очень толстую.

— Тогда продержишься. До встречи.

— До встречи.

Дирга отправился в дежурку, здороваться с коллегами, а Харуга медленно перешел через мостик и остановился на маленькой площади, бездумно разглядывая окружающих челов. Местные жители, решившие, на-

конец, своими глазами увидеть древний Кремль, гомонящие туристы, тычущие пальцами на стены и щелкающие фотоаппаратами, молчаливые иностранцы, напряженно вслушивающиеся в слова гида, визгливые дети, тянущие родителей прочь от раскаленных камней в тень Александровского сада или к фонтанам Манежки, торговцы сувенирами, полицейские... Челов было много, и каждый из них подвергался обязательному магическому сканированию — невидимому, неосязаемому, но тщательному. По соглашению, зона Кадаф была свободна от магии, и охранники внимательно следили за тем, чтобы внутрь не прошел переполненный энергией колдун или не пронесли заряженный артефакт. Собственно, серьезных попыток пробиться в запретную зону не было уже давно, связываться с Великими Домами охотников не находилось, а вот хулиганы встречались. Последний раз отличилась дерзкая человеческая ведьмочка, сумевшая не только обмануть охрану, но и избежать наказания. Харуга в провинившейся смене не работал, но разнос, что устроил гаркам Сантьяга, помнил хорошо, а потому даже сейчас, сменившись и собираясь покинуть зону Кадаф, продолжал машинально сканировать челов.

«Магов нет, артефактов нет... О чем я? — Харуга усмехнулся и потер лоб. — Хватит работать!

Нужно завернуть в какую-нибудь кафешку и позавтракать. Или поехать домой...

Или...»

Машина стояла неподалеку, на парковке для спецтранспорта, гордо подмигивая окружающим разрешительным документом на лобовом стекле. Идти до нее не больше двух минут, но Харуга неожиданно почувствовал желание создать портал и убраться от зоны Кадаф как можно быстрее. Куда угодно убраться, но лучше всего — в безопасное место, например, в родную Цитадель. Не домой, в надежно защищенную серьезными артефактами квартиру, а именно в Цитадель, в

несокрушимую крепость, за могучими стенами которой можно выдержать любую атаку.

«Опасность?»

Харуга прекрасно понимал, что из ничего подобные ощущения не берутся. Развитое предвидение было одним из тех качеств, которые позволяли темным выживать гораздо успешнее конкурентов, и опытный воин мгновенно принял меры. Изготовился, почти сформировав боевой аркан, и еще раз очень и очень тщательно ощупал окрестности.

Ничего.

Ни одного колдуна в радиусе мили, кроме охраняющей зону Кадаф пятерки. Да что там колдуна — ни одного жителя Тайного Города поблизости, только заурядные челы. Ни одного артефакта, даже самого безобидного. Обычное оружие было только у тех, кому положено: у полицейских и сотрудников службы охраны. Есть, конечно, вероятность наличия скрытых артефактов, но чтобы их активизировать, требуется много времени, гораздо больше, чем уйдет на то, чтобы принять ответные меры.

Но ведь тревога откуда-то взялась? Становилась слабее, но не исчезала. Нашептывала: «Беги!», ввергая Харугу в недоумение.

Кто угрожает? Кто решил посостязаться с навом в поединке? И зачем? Войны сейчас нет, вторжение в зону Кадаф никому не нужно, а жестокость, с которой Темный Двор мстит за убийство своих подданных, заставляет отступать даже конченных психопатов.

Тем не менее...

Нав еще раз огляделся: магов нет, артефактов нет... и только тут сообразил, что среагировал не на действие, а на эмоции. В окружающей толпе находился некто, люто его ненавидящий. Безоружный, но обыкновенный чел, не сумевший сдержать эмоции. Необычайно яркие эмоции, возникающие лишь перед нападением.

— Однако... — пробормотал Харуга, не спеша рассеивать почти сформированный аркан.

Узнать, кто именно отправил волну ненависти, было почти невозможно: чувства похожи на облака, они скользят, не встречая препятствий, и породивший их чел мог сидеть в проезжавшей мимо машине. Или уже спускается в метро. Или заставляет себя думать о чем-то более безопасном.

«Ну и ладно...»

Харуга усмехнулся, постоял еще пару секунд, после чего направился к автомобилю — открывать портал при полном отсутствии опасности ему не позволила гордость.

«Кто-нибудь из Тайного Города, которому я прищепил хвост? Или террорист, принявший меня за сотрудника службы охраны? Последнее, кстати, наиболее вероятно: идиотов среди челов развелось огромное количество...»

Двигаясь к стоянке чуть более быстрым, нежели обычно, шагом, Харуга был абсолютно готов к бою, продолжал сканировать окрестности, надеясь обнаружить охваченного злобой чела, однако левую руку предусмотрительно держал в кармане, на «Дырке жизни». В своей силе нав не сомневался, но странность происходящего заставляла его нервничать. Харуга сделал все, что следовало, однако этого, увы, оказалось недостаточно.

Сорок шагов до машины.

Все в порядке. Эмоциональных всплеск нет. Противник не появился.

Тридцать шагов.

Тревога начинает рассеиваться.

Двадцать...

До машины оставалось всего двадцать шагов, когда оказавшийся за спиной нава чел бросил в урну недоеденное мороженное, резким движением свел перед собой руки и с силой расцепил их. Харуга не увидел врага, только почувствовал. В самый последний момент почувствовал опасность и даже стал поворачиваться...

И даже надавил на «Дырку жизни», успев сообразить, что бой проигран.

И почти ускользнул.

Почти, потому что сутулый чел оставил жертве слишком мало времени. Даже для нава — мало.

— Мама!

— Fuck me!

— Помогите!

Но заголосили разноязыкие туристы зря — им ничего не грозило.

Вспышка зеленоватого света, яркая молния, мелькнувшая параллельно земле, короткий вскрик, черный вихрь, возникший и почти моментально растворившийся — все это уложилось в секунду.

— Полиция!

— Что это было?!

Толпа колыхнулась, но лишь на мгновение. А в следующий миг ошеломленные люди поняли, что ничего не было. Что все вокруг спокойно, жизнь идет своим чередом, а полицейские лишь насторожились, лишь положили ладони на рукояти пистолетов, но даже с места не сдвинулись, поскольку не видели причин для беспокойства.

Сутулый мужчина неспешно шел к Моховой, а на другом конце города, в приемном покое Московской обители, ошарашенные эрлийцы тарасились на потерявшего голову нава.

* * *

Отель «Марриотт».

Москва, улица Тверская, 7 июня, вторник, 12:24

- Кувалда? — недоверчиво переспросил Копыто.
- Кувалда, — серьезно подтвердил Ваня Сиракуза.
- Кувалда примет меня обратно?
- Обязательно.
- В семью?

— Да.

Они беседовали в гостиной роскошного номера — став миллионером, Копыто обзавелся дорогими привычками. В самом начале разговора распечатали бутылочку виски, однако насладиться любимым напитком уйбую не удалось: едва он поднес к губам первый стакан, как Сиракуза огорошил его престранным заявлением.

— Мля, чел, да ты совсем с катушек съехал! — Копыто хлопнул себя по ляжкам. — Ты, в натуре, забыл, что Кувалда меня вешать желает, а? Я, конечно, фигню спорол, что забыл ему долю отдать, но что было, то было. А сейчас, в натуре, между нами все криво: он лопату ищет, чтобы меня закопать, а я — безопасное место.

— Но...

— И если бы я знал, для чего ты меня в Тайный Город везешь, ни за что не согласился бы, мля...

Дабы вернуть беглого уйбуя в Москву, Ваня пошел на обман: пообещал Копыто защиту Зеленого Дома и теперь, рассказав правду, получил ожидаемую реакцию — уйбуй запаниковал.

— Где патроны, мля? — Копыто перепрыгнул через диван и бросился к шкафу, в котором хранил дробовик. — Ты как хошь, Сиракуза, но живым я не дамся. И тебе не советую... — Уйбуй, успевший запихнуть в ружье пару патронов, неожиданно замер, пристально посмотрел на Ваню и предложил: — Слушай, а давай я тебя прямо сейчас шлепну, а? Типа, чтобы не мучился, во-первых, а во-вторых, за то, что ты меня на смерть верную приволок...

— Не дергайся, я все устрою, — спокойно произнес Сиракуза.

— Ты?

— Я.

— И каким же, мля, образом? — Копыто вернулся к подзарядке. — Чего ты устроить можешь кроме подставы такой?

Ваня тяжело вздохнул.

Молодой еще чел, лет двадцати пяти — тридцати на вид, он был невысоким, очень худым, если не сказать — тощим, и потому выглядел предельно безобидно, не воином и не бойцом. Узкое и маленькое лицо Сиракузы отличалось необычайной пластичностью: казалось, Ване даже говорить не нужно — его богатейшая мимика передавала любую фразу слово в слово. Второй же приметной чертой Сиракузы были длинные темно-русые волосы, настолько густые, что напоминали львиную гриву, не пойми для чего напыленную на маленькую голову.

Внешностью Ваня не удался, а вот умом его Спящий не обидел, что и позволило заурядному челу — даже не колдуну! — стать приметной в Тайном Городе личностью и вызвать интерес у иерархов Великих Домов.

— Короче, Сиракуза, знал бы я, что ты меня в Москву везешь, чтобы с Кувалдой дружить, ни за что не согласился бы, — заявил Копыто, с подозрением поглядывая в окно. — Где бронежилет?

Заряженный дробовик придал дикарю уверенности, и теперь его голос звучал менее визгливо, чем несколько секунд назад.

— Согласился бы, — уверенно ответил Ваня.

— Это еще почему?

— Разве я не вижу, что тебя сюда тянет?

— Меня?

— Тебя.

— Мля, чел, ты совсем дерево? Я ведь говорю: повесят!

— Может, и дерево, но глаза у меня есть.

— Э-э...

— И перестань разыгрывать из себя ковбоя, мы в центре города, вокруг полно челов, и твои сородичи не рискнут устраивать тут заварушку.

— Много ты знаешь, что они рискнут, а что нет. — Но, выдав эту реплику, Копыто помолчал, обдумывая заявление Сиракузы, хмыкнул, соглашаясь, вернул

дробовик в шкаф, подошел к столику, плеснул себе полстакана виски, залпом выпил и повалился на диван. — Глаза, мля... Фигня это все — глаза твои...

— Так я не спорю.

— И не увидишь в них ничего, если я не захочу.

— Конечно.

— А если так, то чего хрень всякую порешь?

— Показалось, что увидел.

— Показалось ему...

Ваня, воспользовавшись тем, что Копыто зарылся лицом в диванную подушку, широко ухмыльнулся, удобнее устроился в кресле и глотнул виски. Он знал, что рано или поздно уйбуй согласится с его доводами, и был готов немного подождать.

Номер выглядел на удивление хорошо, словно не Красная Шапка в нем остановился пару дней назад, а какой-нибудь законопослушный чел из какого-нибудь законопослушного Баден-Вюртемберга. Помотавшись по заграницам, Копыто слегка пообтесался, позабыл принятый в Южном Форте протокол и запросто мог закончить ужин не погромом, а уплатой счета. Изменения в уйбуй проглядывали, но вряд ли они ему нравились. Скучно дикарю было, даже деньги не помогали. Скука рождала тоску, мучимый которой, он периодически воображал Южный Форт едва ли не Эдемом, в который ему позарез необходимо вернуться. Приступ проходил, уйбуй вспоминал о петле, твердил себе, что «в Тайный Город больше не ходок», но уже через несколько часов в его глаза возвращалась тоска.

— Ну, тянет меня сюда, допустим, маленько, — не хотя протянул Копыто после довольно длинной паузы. — Всех куда-нибудь тянет, мля, потому что жизнь такая — на одном месте сидеть ломает. Когда за мной Кувалда с петлей носился, меня в Англию тянуло, потому что я мужчина молодой, и на осине болтаться, как трюфель высушенный, ваще не жажду. А вот распробовал скукоту тамошнюю, так сразу взад потянуло из

Англии этой... Родина, мля, хоть и с петлей, но своя. Родная, чтоб ее палкой перегнуло.

— Вот я и говорю, — поддакнул Ваня. — Дома веселее.

— В том, что меня наизнанку вывернут, веселого мало, — скривился уйбуй.

— Кувалда тебя как родного примет, — пообещал Сиракуза.

— В честь чего еще?

— В честь того, что на мели сейчас твой фюрер.

— Он что — баржа, что ли?

— Денег у Кувалды нет.

Сиракуза рассчитывал, что эта фраза все объяснит, но услышал в ответ ироничное фырканье:

— Мля, да у Кувалды никогда денег нет! И если бы он всякий раз, как его казна пустеет, с врагами взасос целовался, его бы не семьей командовать отправили, а гей-парадом.

— Разве ты фюреру враг? — притворно удивился Ваня. — Вы ведь дружбаны по жизни, ну, повздорили слегка, так ведь это ерунда, с кем не бывает?

— Враг я ему или нет, не знаю. Время прошло, опять же, вода утекла... — Копыто перевернулся на спину и уставился на потолок. — Только я вот что думаю: как только я в Форте засвечусь, Кувалда меня тут же повесит, а потом наследником себя заявит, и все мои доходы себе приплюсует. Я знаю, мля, я бы сам так сделал.

Сиракуза имел представление о нравах дикарей и прекрасно понимал, что уйбуй прав, однако отказ собеседника в планы Вани не входил.

— Но в семью ведь возвращаться надо, — проникновенно произнес чел. — Ты ведь по ней скучаешь.

— Скучаю, — подтвердил богатый уйбуй.

— Вот видишь.

— А по веревке я совсем не скучаю. И по ножу в спину тоже. И по молотком по башке. И по выстрелу...

— Ничего из перечисленного тебе не грозит.

— Ты сам себя послушай, мля. Не грозит! Ха! Еще как грозит, мля!

— Кувалда гарантировал твою безопасность.

— Гарантировал? Мля! Ну, тогда я спокоен, как «Титаник».

— Хватит! — Стенания Копыто вывели Сиракузу из себя. — Слушай меня внимательно: мы едем в Форт, ты не ноешь и не трясешься, потому что если дашь слаби-ну, Кувалда тебя точно повесит.

— А если...

— Тихо! — Ваня нечасто позволял себе столь резко осаживать приятеля, а потому Копыто мгновенно умолк. — Фюрер тебя не тронет, и на то есть причины. Я их тебе называл, но раз уж ты забыл, повторю.

— Ничего я не забыл...

— Первое: Кувалда на мели, и наше предложение ему здорово поможет. Он это понимает, а значит, сразу тебя вешать не станет, подождет. А потом вы задружитесь и обо всем договоритесь.

— Нда-а... — с сомнением начал Копыто.

— Второе... — Сиракуза не позволил себя перебить. — Мы с тобой оказали конкретную услугу Сантьяге, и все об этом знают. Уверен, что одноглазый считает меня приятелем комиссара...

— А ты его приятель?

— Мля, молчи!

— Уже.

— Так вот, одноглазый считает меня приятелем комиссара и трогать не рискнет. А раз ты со мной, то и ты под защитой. — Ваня выдержал короткую паузу, надеясь, что ее хватит, чтобы слова проникли в мозг дикаря, и продолжил: — Третье: с нами будет Алех.

Став обладателем пусть и не самого большого в мире, но вполне приличного состояния, Сиракуза немедленно позаботился о безопасности и нанял надежного телохранителя, выбрав лучшего воина из возможных — пожилого хвана Алеха. Ваня знал, что боевые маги Ордена или зеленые ведьмы ни за какие деньги не подря-

дились бы охранять «какого-то» там чела, и даже не обращался к ним. Хваны тоже были разборчивыми, но тут помогли друзья, рассказавшие Сиракузе о сложной ситуации, в которую попал конкретно этот четырехрукий. Как и все хваны, Алех посвятил жизнь тонкому искусству заказных убийств, достигнув на традиционном поприще серьезных высот и... И не достигнув материального благополучия. Бедой убийцы была страсть к азартным играм, причем страсть безответная: Алех игру любил, а вот она его не жаловала. В результате, четырехрукий оставил в казино почти все сбережения, и охотно согласился на щедрое предложение Вани.

— Ну да, Алех — это серьезно, — пробормотал Копыто, представляя, как въезжает в Южный Форт в сопровождении самого настоящего хвана, который его охраняет. И как все удивляются, а Кувалду и вовсе перекашивает. Картина показалась беглому уйбую настолько приятной, что по его физиономии сама собой расплзлась довольная ухмылка.

— Тогда поедem... — И очередной вопрос прозвучал без должного беспокойства, скорее так, ради проформы: — Так ты уверен, что меня не убьют?

— Уверен.

— И производство мы в Форте сумеем наладить? — поинтересовался Копыто, припоминая, чем именно Сиракуза собрался обольстить великого фюрера.

— Сумеем.

— А почему в Форте? Ты ведь говорил, что на одной только безопасности разоримся.

— Зато ты станешь главным семейным любимцем и авторитетом, — объяснил Ваня. — Любой ди... гм... любой соплеменник за тебя горло перегрызет.

— Кому?

— Кому скажешь.

— Это хорошо, — кивнул Копыто. — Я много на кого сказать могу.

— В таком случае, составляй список.